

Поколение, достигшее жизни

Сегодняшнее свое заседание Институт человека «Знание — сила» проводит совместно с Международной ассоциацией «Интеллектуальная инициатива».

«Чтобы не тратить время присутствующих на пространный рассказ о наших целях, задачах и «стартовой» программе деятельности,— начал обсуждение президент ассоциации кандидат экономических наук Михаил Юрьевич ШВЕЦ,— мы подготовили своего рода «рекламный ролик». Однако привели нас в журнал отнюдь не рекламные устремления, но в первую очередь понимание того, что все конкретные социально-экономические инновации и программы реализуются или, наоборот, проваливаются в ничто в первую очередь по причинам психологического свойства. А сложилось это понимание не только эмпирически, но и под влиянием публикаций в журнале, причем не только последних лет и не только в рамках «Института человека». Когда я готовился к этому заседанию, то неожиданно для себя осознал, что наш путь в журнал начался задолго до создания ассоциации, почти двадцать пять лет назад»...

Так началось очередное заседание «Института человека» журнала. В беседе приняли участие: кандидат психологических наук Александр Григорьевич АСМОЛОВ, доктор психологических наук Борис Сергеевич БРАТУСЬ, кандидат психологических наук Вадим Артурович ПЕТРОВСКИЙ, кандидат психологических наук Леонид Александрович РАДЗИХОВСКИЙ. Вел заседание заведующий отделом журнала В. И. ЛЕВИН.

М. Швец: — Примерно четверть века назад в журнале была опубликована повесть К. Саймака «Поколение, достигшее цели». Она выделялась на фоне тогдашних научно-фантастических публикаций — выделялась как притча, абсолютно приложимая к тогдашнему общественному самосознанию.

Как и у любой притчи, сюжет повести был прозрачно тривиален. Лучшие умы земной культуры снаряжают огромный космический корабль с людьми к некой пригодной для жизни планете, расположенной в отдаленной галактике, чтобы теми, кто достигнет ее, продолжился человеческий род. Путь «ноеву ковчегу» предстоял длиной в десятки поколений, и создатели его предусмотрели все, чтобы эти странствующие поколения, обреченные быть лишь средством достижения цели, не ощущали своей промежуточности: корабль стал для них единственной вселенной, вобравшей в себя и пространство,

и время. Из поколения в поколение ничто не меняется в распорядке и правилах жизни сообщества.

Этот порядок был не только продуман до мелочей, но и изначально освящен столь же до мелочей изначально продуманной религией. Причем сконструированной так, что никакого даже намека на мысль — а зачем все это? откуда? — в принципе не могло появиться. И сорок поколений не подозревали, что они — исполнители чужой воли и чужих предначертаний, всего лишь «рассада» будущей цивилизации. Они жили честно и просто: всякий труд священен, единственное предназначение живущего и его доблесть — исполнять то, что исполняли его предки, и родить преемника для продления «судовой роли».

Но вот корабль садится на планету, как и было запрограммировано, люди получают полную информацию обо всем, откры-

вается люк. Но поколение, достигшее цели, в страхе бежит от него, забивается в свои корабельные каморки. И потребовалась запланированная «демиургами» угроза: пустить в корабль отравляющий газ, чтобы люди вышли в жизнь.

Я, конечно же, спрямил сюжет, огрубил до однозначности саму притчу, чтобы по возможности наиболее зримо предъявить к обсуждению ту проблему сегодняшнего нашего бытия, которая, как нам показалось, мало пока что осознается в обществе: мы — поколение, достигшее конечной точки исторической траектории длиной в три четверти века. Мы — экипаж «корабля», который закончил странствие в искусственном вакууме своего исторического пространства и упал в реальность. А та кровь, которая пролилась в двух предыдущих поколениях, словно Стикс, река античных мифов, отделяющая жизнь от царства теней, отрезала нас как поколение от психологических навыков естественной жизни. Страшит нас и ее неотвратимость, и осознание своей неготовности к ней. В этом и видятся истоки той социальной драмы, которая разыгрывается в нашем обществе. Не конфликт между консерваторами и радикалами, демократами и тоталитаристами, аппаратчиками и неформалами меня волнует, а конфликт между психикой, приученной жить в регламентированном мире, и осознанием неизбежности крушения этого мира. И — заканчиваю вступление — единственная идея, побудившая нас к созданию ассоциации «Интеллектуальная инициатива»: каждой своей практической акцией помогать решению этого конфликта. С тем мы и пришли в «Институт человека» «Знание — сила».

А. Асмолов: — Михаил Юрьевич предложил весьма продуктивную модель обсуждения — притчу. Саймак разрешил конфликт между страхом перед неведомой реальностью и неизбежностью этой реальности без психологических затей — насилием, освященным благородством изначальной цели. Этим же благородством оправдал и запланированное психологическое увечье бесчисленных поколений ради одного — достигающего цели.

Помните одного из героев повести Саймака — смотрителя гидропонной оранжереи, снабжающей Корабль овощами? Этому смотрителю вменено в неукоснительную обязанность смазывать рельсы, на которых стоят тележки с рассадой. Причем рельсы почему-то идут и по потолку оранжереи, по которому тележки никогда не ездят и, очевидно, ездить не могут. Но смотритель это делает, не задумываясь над «зачем?», — так делали все его предки, так делает он, так будут делать его потомки. Смысл этой работы проявляется только тогда, когда Корабль завис над планетой и перевернулся, готовясь к посадке, — тележки с овощами мягко съехали по смазанным рельсам, оранжерея не погибла, люди не остались без пищи. «Во имя всеобщего будущего блага» — вот чем оправдывала притча бессмысленный труд бесчисленных поколений. И больше — превращение этих бесчисленных поколений в роботов, абсолютно лишенных даже знания о том, что существует такой вопрос —

зачем? для чего? Есть лишь порученное дело и высшая доблесть — исполнять.

Но ведь именно это и было основным уроком нашего «Краткого (на семь десятилетий) курса» истории. Помните, у Александра Бека: «Эпоха дала им свой чекан, привила первую доблесть солдата: исполнять! Их девизом, их «верую» стало правило кадровика-воина: «Приказ, и никаких разговоров!»

В этом-то и была та психологическая трагедия, финал которой — хочется верить, что финал, — разыгрывается уже с нашим участием: в строго контролируемом, «солдатском» распорядке жизни у человека рано или поздно развивается хорошо известный психологам эффект «выученной беспомощности». Суть его в том, что человек, погруженный в неподконтрольную ему ситуацию, привыкает к невозможности своими действиями изменить кем-то заданный ход событий настолько, что несамостоятельность становится психологической нормой жизни. Человек уже сам стремится избежать жизненных перемен, так как они сулят неизвестное, вынуждают к поиску, а стремление к поиску атрофировано. И увидев невозможность избежать грядущего инопобития, ощутив неотвратимость сдвига, выученная беспомощность испуганно мечется между пониманием, что «так жить нельзя», и страхом перед тем, что жить иначе, чем «так жить нельзя», уже научиться не сможет.

Л. Радзиховский: — Неуверенность — всего лишь общая шапка, которая в действительности может обозначать самые разные ментальные структуры. Подробное психологическое исследование чувства неуверенности как «ядерного» состояния сознания советского человека есть задача особая. Однако некоторые соображения представляются достаточно очевидными.

Социально-адаптационная функция мышления в любом обществе одинакова — обеспечить возможность приспособления на уровне поведения и при этом комфортную, неоскорбительную самооценку. Противоположительно, извращенно другое — когда такое обеспечение достигается за счет страха и социальной лжи. Последние год-два стали говорить о паразитической сущности тоталитарности как управленческого механизма, но ведь знание этого — на уровне обыденного поведения, каждодневном экономическом уровне — существовало всегда. Мы, наше поколение, не открыли это знание, нам лишь пришло время признать это знание открыто: человек, который «проходит как хозяин» — это подпоручик Кижэ, государственный преступник, фигуры не имеющий, ибо он — хозяин, которого нет. Хозяин, от которого остались одни мертвые символы и фетиши, функция которых давно забыта, утрачена. Он, действительно, как Кижэ, охраняется двумя стражами — страхом перед своими мыслями и ожиданием наказания за любой поступок. И к этой кафкианской реальности, конституционно закрепленной под видом «социалистического образа жизни», вынужден был приспособиться любой советский гражданин, независимо от занимаемой должности и жизненного промысла.

Однако можно насильственно обобщест-

вить все, кроме инстинкта жизни. Я вспоминаю ответ кинорежиссера А. Германа на обвинение в том, что герои его «Лалшииа» очерняют историю. Обвинение «строилось» на том, что документальные кадры тех лет являют нам лица светлые, искрящиеся радостью труда и т. д. Герман же ответил а я глядел не на тех, кто знает, что его снимают, а всматривался в лица случайно попавших в кадр. Тот, кто позировал, тот знал, что от него требуется, он выживал. Те, другие, просто жили.

И знаете, почему они могли просто жить? Общий стимул человеческой деятельности в СССР оставался тем же, что и в любой другой стране и в любые времена, — инстинкт собственности как основа устойчивости самостоятельности бытия. Однако этот инстинкт вынужден был избирать извращенно кривые дороги, связанные с тем, что никаких возможностей легальному и честному проявлению социальная система для своих членов не предоставляла. После уничтожения (присвоения государством) частной собственности граждан сложилась такая ситуация, когда все стало корпоративной собственностью бюрократии. Однако ведь и бюрократ как «новый класс», несмотря на внешнее обладание государственной собственностью — заводом, министерством и т. д., которым он руководил «по должности», оставался таким же нехозяином, как и остальные смертные, прозябающие вне касты: хозяйствование не своим, обладание не своим, структурно (простите за термин) ставило его в такое же социальное пространство, в котором жили и внекастовые «несуны».

Реплика: — Одним грозил «распыл» за ослушание того самого приказа, о котором писал Бек, а другим — указ о «семи колосках»...

Л. Радзиховский: — И вот это сочетание нехозяев создало общее поле идеологического лицемерия и экономического паразитизма... И в этом поле все психические основания индивидуального бытия как бы теряли известные, общечеловеческие ориентиры. Ведь если попросту: речь идет о сознании обычного, то есть честного человека, всю сознательную жизнь игравшего необычную, не просто бесчестную социальную роль, но роль, с одной стороны, неизбежную, а с другой — уголовно наказуемую.

И в реальном «среднестатистическом» сознании советского человека двоимыслие не могло не сводиться в общем к одному чувству — глубокой неуверенности в себе, более или менее скрываемой. Это и представляет собой, с моей точки зрения, источник специфической советской формы общественного сознания: «раствориться» или в каком-нибудь социально-психическом стереотипе, в установке, или в каком-то сильном, самоподдерживающемся и самооправдывающемся чувстве (чаще всего — в агрессии, зависти, обиде и т. п.). В социально-поведенческом плане это ведет к «сохранению и упрочению» по сути дела монопольных, закрытых структур. В психологическом — к постоянному формированию образа мира, социально-психологических установок, преследующих главную цель — оправдать соответствующее

поведение, представить его как единственно возможное. Для этого и преувеличиваются, нагнетаются неуверенность и страх перед внешним миром и завтрашними переменами: «выученная беспомощность» может существовать лишь в неподвижном историческом пространстве, где «цели ясны, задачи определены» и время — не генетическое течение жизни, а гектографически размноженный, тысячу раз читанный один и тот же текст-приказ «на повторение».

А. Асмолов: — Иными словами, действует давно известная психологам закономерность группового самогипноза, которую сформулировал великий философ и психолог нашего века Э. Фромм: «Приспосабливаясь к социальным условиям, человек развивает в себе те черты, которые заставляют его желать действовать так, как он должен действовать».

...Я хорошо помню, тогда, в шестидесятых, притча Саймака воспринималась как гимн служению во имя предначертанной цели. Гимн нашему пониманию должного. Ведь это мы, наше поколение, что бы там ни было в прошлом, но через все «испытания и трудности» вышли к цели, и... «Наше поколение будет жить при коммунизме». Это, конечно же, как минимум было смешно. Но само ощущение готовности к завершению «завещанного» было отчетливым и незамутненным сомнениями в собственных возможностях и собственной необходимости. Кто же еще будет «смазывать рельсы», если не мы? Мы обязаны ощущать как первейшую доблесть быть полезными для...

Реплика: — Но ведь это же естественно — ощущать себя полезным обществу. Это же на все времена.

А. Асмолов: — Да, это так. Но здесь же — и вечно сопутствующая этому чувству опасность, невидимая за ее естественностью, которую очень точно сформулировал Бердяев: «Исключительное, деспотическое господство утилитарно-морального критерия». Опасность — не сам критерий, а именно обезличивающее «исключительное господство», превращающее моральный критерий личного выбора в утилитариумную норму поведения для всех, в «культуру полезности».

Продолжая мысль эстонского социолога Ю. Круусвала, проанализировавшего механизмы древних цивилизаций, выскажу предположение, что именно социальный механизм обезличивания лежит прежде всего в основе «героизации» строек типа Беломоро-Балтийского канала. А что предпринял Хрущев? Он предложил осваивать целину. Не берусь судить, насколько это было оправданно в экономическом плане, но один выитрыш для культуры полезности был несомненен — молодежь стала управляемой социальной группой. Брежнев осознанно или неосознанно прибег к такому же варианту решения проблемы — БАМ. Когда я слышу критику идеи поворота рек за ее экономическую расточительность и экологическую преступность, то всегда помню, что эта идея вполне укладывается в логику тоталитарных систем. Культуре полезности непременно нужны великие «воспитывающие» строй-

ки, так как эти стройки — социальные рычаги, обеспечивающие максимум занятости населения и минимум свободного человека.

Б. Братусь: — К счастью, — и это закономерно — в нашу эпоху проективная монументальность всех подобных социальных конструкций в исторически сравнительно короткие сроки превращается в самопародию — начинается «эпоха вырождения» идеологического монументализма. Но своей финальностью она и опасна — она грозит стать психологической ловушкой, «черной дырой» самосознания, из которой можно не вырваться.

Экипаж Саймака не ведал цели и ему было спокойно, он превратился в роботов. Нашим же предшественникам именно целью оправдывали все, что с ними делали, во что их превращали. И то, на чем эти «цели» паразитировали — благо будущих поколений, — соразмерно человеческому сердцу.

А. Асмолов: — Это было паразитирование на неотъемлемом чувстве достоинства как последнего рубежа человеческой души. Достоинство — это последняя частная собственность, она неотчуждаема никакими идеологиями. И та идеология, которая не может сосуществовать с достоинством души, в конце концов заставляет считать достоинством растворение в «приказе». Тем достойнее человек, чем меньше он сам, — вот императив культуры полезности.

Б. Братусь: — Вот именно. Превращение чувства самооценности в «подданность цели» — это замкнутый круг социального характера, из которого, как из «черной дыры», вырваться невозможно, если надеяться только на внешний импульс, на спасение извне.

В психике человека как бы растворены три уровня смысловых ориентаций существования — эгоцентрический, группоцентрический и просоциальный. Выделение в чистом виде каждого из них, безусловно, невозможно, но так или иначе они как бы уравниваются друг друга, не позволяя абсолютно доминировать какому-нибудь одному смыслу... Я бы сравнил эти уровни со взаимодействием законодательной, исполнительной и судебной властей в нормально организованном обществе. Мне кажется, эта метафора достаточно плодотворна для чисто психологического рассуждения, но привел я ее с одной лишь целью — для того, чтобы показать, что «схлопывание» этих уровней в один — любовью — приводит к тяжелой психической аномалии, которую образно можно сравнить с тоталитаризацией социума. Абсолютизация каждого из уровней имеет свой как бы акцент, но есть и нечто общее: в любом случае происходит обезличивание личности. Да, личность проявляет и формирует себя через деятельность, у нее нет по сути других путей формирования и реализации себя. Но она не сводится без остатка к любой из форм этой реализации, не сливается полностью и безраздельно с собой как субъектом деятельности, а представляет особое, прямо не сводимое к деятельности и прямо не выводимое из деятельности образование,

существенной характеристикой которого является нравственно-ценностное отношение к происходящему, прежде всего — к другому. Замечательный психолог С. Л. Рубинштейн писал, что «первейшее из первых» условий жизни человека — это другой человек, что «сердце человека соткано из его человеческих отношений к другим людям».

А. Асмолов: — Как писал М. Бактин, человек не равен самому себе.

Б. Братусь: — Это вообще лучшая из существующих «формул» человека.

Образно говоря, человек только как субъект каких-то отдельных видов деятельности — лишь нанятый этой деятельностью работник, ибо подлинная жизнь личности, продолжал Бактин, совершается как бы в точке несовпадения с самим собой, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие, которое можно подсмотреть, определить и предсказать помимо его воли, заочно. И, заканчивая мысль: «Подлинная жизнь личности доступна только диалогическому проникновению в нее, которому она сама ответно и свободно раскрывает себя. Правда о человеке в чужих устах, не обращенная к нему диалогически, то есть заочная правда (философ подчеркивает это — заочная правда), становится унижающей и умертвляющей его ложью, если касается его «святая святых», то есть «человека в человеке».

Так вот, просоциальный смысловой уровень личности — высшее проявление родовой сущности человека. Но этот уровень задается не самим человеком, а культурой, в которой растворено его бытие. То есть этот уровень задан. И если человек растворяется целиком в этой заданности, то лишается возможности сам судить себя по нравственным законам. И когда Бердяев говорил об опасности исключительно утилитарно-морального критерия, для меня, психолога, он говорил об опасности сведения самосознания человека к «заочной правде» о себе. Он остается лишь исполнителем, лишь «вещью среди вещей» культуры.

А. Асмолов: — В общем-то здесь неограниченное поле для философско-этических рефлексий, но они выходят за пределы нашего сегодняшнего собрания.

Но вот что хочется продолжить хотя бы вкратце.

Все особенности образа жизни, о которых нам напомнил Братусь, выступают лишь как потенциальные возможности развития. Выбор своей жизни человек делает сам, даже не осознавая это. И поэтому качественная суть культуры, в которой существует личность, в том, какое пространство выбора она предоставляет.

С этой точки зрения вообще всю мозаику культур истории можно считать помещенной меж двух полюсов — полюса полезности и полюса достоинства. Полюс полезности — это, фигурально говоря, абсолютизация строительства египетских пирамид и БАМа, иными словами, абсолютизация «социальной пользы». Да, сама по себе социальная польза, о чем и говорил Борис Сергеевич, действительно — высший смысловой уровень лич-

ности. Но абсолютизация ее — это уже лишение пространства выбора.

Б. Братусь: — Самое же опасное в этом процессе — привыкание к отсутствию выбора. Когда для человека, как в притче Саймака, перестает существовать сам вопрос «для чего?», когда естественной нормой жизни становится «назначенное должное».

Реплика: — Должное становится вручаемой извне должностью.

Л. Радзиховский: — Кстати. И это не пустой каламбур. К тому, что социальный статус может измениться лишь одномоментно и зависит от внешних обстоятельств, каждый из нас приучен реальностью. Мы же привыкли к «получению должности», а не к результатам своих усилий. Мы получаем диплом как индульгенцию на будущее, мы не осознаем взаимного позора так называемой аттестации — те, кто когда-то одномоментными случаями обрели право оценивать полезность другого, и те, кто даже не осознают унизительность аттестации себя на «уровень полезности».

Сейчас открывается возможность личного выбора. Но научиться надеяться в первую очередь на себя, уметь делать выбор и отвечать за него — этот опыт еще надо приобрести. Кстати, хотя это вряд ли по теме, в депутатских энциклопедиях против частной собственности, предпринимательства я слышу и страх от отсутствия этого опыта, и страстное желание продолжать аттестовать.

Б. Братусь: — И это кстати. Когда я как психолог чувствую, сколь сильны в обществе надежды на немедленное, одномоментное исцеление жизни... Есть такая медицинская формула: «болезнь есть стесненная в своей свободе жизнь». С психологической точки зрения, «назначенное должное» — такое же стеснение, но не телесное, а личности, со всеми вытекающими из такой стесненности, как в медицине, последствиями.

Я много лет занимался психическими отклонениями при эпилепсии. Один из наиболее распространенных синдромов больных эпилепсией — постоянная, особая забота о своем здоровье. Само ее возникновение вполне понятно, ведь эпилепсия — тяжелое, прогрессирующее заболевание. Судорожные припадки, особенно в начале болезни, естественно вызывают целую гамму тягостных переживаний. И как следствием навязчивого страха перед припадком и его последствиями возникает неодолимый синдром «немедленного радикального излечения»... Можно ли эту реальную клинику считать социальной метафорой, не берусь судить, но отказаться от нее трудно, особенно когда сопоставляешь сегодняшнюю социальную атмосферу с клиническим описанием феноменологии поведения больных эпилепсией... Крайний эгоцентризм, придирчивость к окружающим, стремление поучать, ханжество и угодливость, а наряду с этим — нередко злобность, злопамятность, спонтанное проявление всеохватной злобы, агрессивности и жестокости... Короче, когда все это сопоставляешь, от социальной метафоры просто невозможно отмахнуться.

Реплика: — Но ведь болел эпилепсией и князь Мышкин.

Б. Братусь: — В том-то и дело, — медицинская метафора всегда остается только метафорой, ибо не учитывает главное. Как говорил мой учитель А. Н. Леонтьев, «личность управляет характером». Личность, которая осталась личностью, потому что оставила за собой право самой следовать нравственным законам и самой судить себя в соответствии с ними.

Реплика: — Но если отрешиться от Мышкина, те же правила самотворения личности предписывает и ницшевский имморалист.

Б. Братусь: — В том-то и гений Достоевского. Он ограничил границы самотворения принципиально неограниченным — любовью. И это тоже не столько абстрактная философия, сколько психологический закон, сформулированный наукой много позже.

Любовь является единственным способом понять другого человека в глубочайшей сути его личности, — писал замечательный психотерапевт Виктор Франкл. — Никто не может осознать суть другого человека до того, как полюбил его. В духовном акте любви человек становится способным увидеть существенные черты и особенности любимого человека, и, более того, он видит потенциальное в нем, то, что еще не выявлено, но должно быть выявлено. Кроме того, любя, любящий человек заставляет любимого актуализировать свою потенциальность. Помогая осознать то, кем он может быть и кем он будет в будущем, он превращает эту потенциальность в истинное. Добавлю от себя: любовь при этом становится первооткрывателем нового видения себя и мира.

...Прошу прощения за неожиданную патетику, но я просто хотел подчеркнуть принципиальное отличие отношения к человеку как к «полезному» от восприятия его как самоценного.

В. Петровский: — Но ведь этим вы подчеркнули и другое — полезность как абсолют, по сути, отстраняет человека от родового вопроса: что я могу?

Несколько лет назад я провел большую серию экспериментов с дошкольниками. В свое время я писал о них в «Знание — сила», но время не позволяло тогда сказать то, что я скажу сейчас. Повторю описанную уже суть эксперимента. Группа детей помещается в комнату, разделенной меловой чертой. В одной половине — игрушки, игры, пианино, мячики — все, что душе угодно. Вторая — пуста. Я говорю детям: играйте, как хотите и во что хотите, но не заходите за черту. Почему нельзя? — это все дети всегда спрашивают. Да потому, что нельзя. С этим непререкаемым указом я уйду из комнаты и начинаю тайком наблюдать, как себя ведут дети, оставшиеся одни с игрушками в руках и запретом в башке.

Так вот, все дети, абсолютно все и всегда, стремятся нарушить этот запрет. Но при этом каждый ведет себя по-своему. Один пулей выбегает за черту и так же стремительно убегает обратно, как бы пытается перехитрить время. Другой пробует запретную

землю одной ногой, оставаясь другой «законно послушным». Третий идет вдоль черты, как Чарли Чаплин, по границе — одной ногой здесь, другой там. Четвертый так играет мячиком, что он «нечаянно» выкатывается за линию — и нельзя же не побежать за ним... Кстати, один из побочных результатов эксперимента — восхищение безудержностью мысли, направленной на то, как обойти запрет...

Об этом я и писал в журнале. Но вот о чем не писал. Однажды я проводил этот же эксперимент, уже нарабатывая статистику. В повторяемости результата у меня уже сомнения не было. И, к своему изумлению, увидел, что дети за черту не идут — те же дети, что были в прошлые разы, с таким же игрушками... Что такое? Я долго мучился, пока не обратил внимание: за время, прошедшее с предыдущего эксперимента, в комнате повесили большой портрет Ленина. Его «присутствие» оказало на детей неизмеримо большее воздействие, чем отсутствие конкретного запретителя, мое отсутствие. Я начал проверять и перепроверять эту догадку, и она подтвердилась. Дело было не в конкретном портрете. Портрет был знаком запрещающего всевидения, несмотря на то, что я, сколько хватало моей экспериментаторской фантазии, менял портреты — вместо Ленина вешал фотографию директора школы или галерею членов политбюро, однозначно воспринимаемые пионерско-комсомольские плакаты и т. д., и т. п. Статистический итог эксперимента яе менялся, только единицы в «запрещающем» пространстве вели себя так, как «положено», переступали черту.

Реплика: — Это уже читается не результатом психологического эксперимента, а притчей.

В. Петровский: — Но этой притче еще не конец. Те же дети, которых сковывала запрещающая символика, вели себя абсолютно нормально, когда я переводил эксперимент в «нейтральную» комнату. Иными словами, «запрещающее пространство» не отменяло стремления к перешагиванию черты. Но куда же оно «пряталось», это стремление? И я стал более пристально наблюдать за тем, как дети играют перед чертой в свободном пространстве и в «запрещающем». Так вот, по моим наблюдениям, в «запрещающем» пространстве дети становились агрессивнее в играх и отношениях друг с другом: становились чуть резче движения, чуть быстрее начинались ссоры, чуть истеричнее — удары по клавишам пианино... Импульс, стремление к перешагиванию черты, «пророс» внутрь. Если в нейтральном пространстве это стремление направлялось на разведывание неизвестного — что будет, если я перешагну черту, то в «запрещающем», не находя естественного выхода, оно становилось разрушительной силой.

А теперь подумаем дальше. Ведь что делают дети, перешагивая запретительную черту? Они переходят не столько в другое пространство, сколько в другое бытие: а что будет? Ведь то, что находится за чертой, они видят и так. Они разведывают не пространство, они исследуют «себя в ином». И когда

они лишены этой возможности — исследовать свое «завтра», начинают разрушать свое настоящее, меняя его суть.

Вот здесь уже я читаю притчу: общество, лишенное права на осмысление будущего, живущее по законам, обязывающим его лишь воспроизводить вчерашний опыт, разрушает свое настоящее. А ведь итоговый лозунг всей идеологии нашего многодесятилетнего бытия «Цели ясны, задачи определены» — не что иное, как запрет на поиск целому обществу...

Реплика: — И у него начинают развиваться агрессивность, жестокость...

В. Петровский: — И когда сейчас говорят об агрессивности общества, агрессивности наших людей, предлагая исключительно «омоноовские», запретительские рецепты умирения и усмирения этой агрессивности, буквально хочется крикнуть: не обвиняйте людей, не спешите сразу же выстраивать стены запрещающих законов, пытаться — в который раз! — охранить общество и человека от них же самих, но сорвите для начала запрещающие портреты... Не культивируйте его «будьте, как все», ведь за этими поговорками — «я, как все» и так далее — не только осознание неизбежности своей роли, но и такое же осознание своей ущербности. А такое осознание — очень взрывчатое вещество. Ущербность — это тот страх перед собой и миром, который не позволяет людям увидеть открытый люк и может взорвать «корабль»... вместе с людьми.

А. Асмолов: — Что особенно страшно — задавленный «наведенной» ущербностью человек открыт гипнозу ситуации. И этот гипноз сбивает людей в толпу, охлос. Вот почему, возвращаясь к начальному вопросу нашей беседы, я убежден, что избавление от ощущения неготовности к открывающейся жизни — это путь от вопроса «что делать?», в котором мы уже привыкли видеть множественное число — что НАМ делать? (и прятаться поодиночке за эту множественность), то есть путь от вопроса вовне к вопросу себе: «что МНЕ делать? что Я могу?».

...Но, как говорят дикторы, «время неумолчно приближается». Собравшись «под вопросы» Ассоциации «интеллектуальной инициативы», мы лишь успели разведать «предмостные укрепления», охраняющие путь к этим вопросам. Надеюсь, что мы соберемся в ближайшее же время с тем, чтобы продолжить разговор уже более конкретно. Закончить же сегодняшнее заседание я хотел бы словами великого мыслителя Владимира Ивановича Вернадского: «Нередко приходится слышать — «Что делать? Как бороться с окружающим мраком?»... Когда никто ничего не знает, когда кругом колебание и разброд, когда нет ясных и определенных сил и нет общественного стыда и понимания в обществе, бессмысленны все вопросы... Первым делом надо создать общественный стыд и общественное понимание...»

Не правда ли, — о нас, о нашем времени? А ведь сказано почти столетие назад, в 1893 году. Но послушаем дальше. «Это понимание должно быть создано, к нему должны быть направлены все наши силы. Понимание того, как должна быть устроена жизнь че-

ловека, и того, к каким последствиям и из каких принципов исходят предлагаемые или совершаемые меры по отношению к человеку. Я нарочито употребляю слово «человека», а не «людей», так как из последнего более общего понятия можно сделать любопытный эквилибристический скачок в сферу социально-рабских мнений».

Для Владимира Ивановича (благословенный XIX век!) этот скачок — еще всего лишь возможность, а не реальность. И нам остается только догадываться, что испытал этот великий гуманист, дожив до того времени, когда его народу приказали запеть: «а вместо сердца — пламенный мотор!».

Реплика: — Причем, радостно запеть, самозабвенно...

А. Асмолов: — Вот-вот! Самозабвенно — забыв себя, расставшись с собой, чтобы не мог человек видеть очевидное: мотор запускает в действие кто-то, мотор может работать только так, как ему прикажут, и там, где его поставят. И любой механик, надзирающий за мотором, в любой момент может заменить его, и вообще он — мотор, изделие серийное, заменяемое...

Но по сути дела все тот же вопрос: на что рассчитывал этот «социальный приказ», на какие механизмы психики, позволявшие вмонтировать вместо сердца «двигатель прогресса»?

Вернадский увидел этот механизм в грани между «Я — человек» и «Я — люди». И тем показал, насколько она хрупка, незаметна, проходящая не вне личности, а в ней самой, всегда в ней.

Спустя два десятилетия историк Устрялов как бы подводит итог социальному эксперименту по переводу людей в детали социального механизма: происходит не бунт, не революция, происходит переход в новую культуру.

Теперь-то нам очевиден эпицентр этой культуры — полезность. И как из этого эпицентра импульсы пронизали все сферы бытия. Это — как излучения идеологических башен Обитаемого острова Стругацких.

И — рабочее заключение. Мы эскизно рассмотрели, как «культура полезности», «культура Корабли» побуждает человека желать должного. Предлагаю в ближайшее же время продолжить наш крутой стол «обратной» темой: что должен желать человек, чтобы никто уже не смог сделать выбор за него; чтобы он сам не смог спрятать себя за выбор, сделанный вместо него; и чтобы никогда, как тюремные стены, не охранял его от его же жизни выбор, сделанный до него? Ибо мы — не поколение, достигшее цели. Мы — поколение, достигшее жизни. Вернее, пока что — лишь возможности нормальной человеческой жизни. А реализуется она, эта возможность, или нет, — это уже только от нас зависит. Что бы там ни было, но от нас. ●

Можно делать и из крапивы

Пока мы рвем на себе волосы и охаем по поводу дефицита бумаги, люди придумывают способы, как с ним справиться. Например, согласно одному сообщению, в Непале завершены опыты, которые показали, что и волокнистые стебли крапивы годятся для получения бумаги, а также для производства некоторых видов ткани.

И это не только доказано, но уже ищут способы практического освоения необъятных зарослей этого растения в предгорьях Гималаев — здесь, на высоте от 1500 до 4000 метров над уровнем моря, крапива — трехметровая. Не стоит ли «окрапивить» наши пустующие земли?

Двойной эффект

Прокладка канала под Ламаншем оказалась полезной и для археологов — ими найдено уже более 2500 изделий бронзового века.

Когда коала были большими

Кто поверит, что коала, этот маленький зверек с мягкой шерстью, весил когда-то около 35 килограммов, а его рост превышал один метр! Однако это факт.

Австралийский ученый Грэм Пилкингтон обнаружил в пещере к западу от города Аделаида окаменелые останки животного, принадлежавшего к семейству сумчатых, и определил его как «гигантский коала». Он был в два-три раза больше современного и обитал на Австралийском континенте более миллиона лет назад. По словам Пилкингтона, хотя большие рост и вес животного давали ему преимущество при защите от нападений врагов, они же приносили ему массу неприятностей. Так, ветки эвкалипта (листья этого дерева — основной источник пищи коала) не выдерживали тяжести животного, и ему приходилось долго бродить в поисках еды по равнине. Длительные периоды засухи, которая обрушивалась на юго-западную часть Австралии в конце плейстоцена, ускорили вымирание гигантских коала, пощадив только их сородичей меньшего размера.